

6. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 184. Оп. 520. Д. 1300. Л. 84, 146–146 об.
7. Там же. Л. 76–82 об.
8. Там же. Л. 76 об.–77.
9. Там же. Л. 77.
10. Там же. Л. 77–77об.
11. Там же. Л. 78.
12. Там же. Л. 78об.
13. Там же. Л. 79об.–80.
14. См.: Грудзинский В.В. Указ. соч. С. 165.
15. Crowley F.K. A New History of Australia. Melbourne, 1977. P. 294. Ср. также: Megaw R. Australia and the Great White Fleet // Journal of the Royal Australian Historical Society. June 1970. Vol. 56. Pt. 2.; Meaney N.K. A History of the Australian Defence and Foreign Policy 1901–1923. Vol. 1. The Search for Security in the Pacific 1901–1914. Sydney, 1976. P. 167–168.
16. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1300. Л. 78 об.–79.
17. Там же. Л. 79 об.
18. Там же. Л. 81 об., 79 об.
19. Там же. Л. 81.
20. Там же. Л. 81 об.–82.
21. Там же. Л. 151 об.–152.

Л.А. Иванова

О ЧУЖЕРОДНЫХ ВКРАПЛЕНИЯХ В КОЛЛЕКЦИИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ ИЗ ОКЕАНИИ

Выпуская в свет шестой том нового собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая (НСС), титульная редколлегия издания констатировала: «Работу по изучению и публикации этнографических коллекций Миклухо-Маклая нельзя считать завершённой <...> Не исключены новые находки» — и выражала надежду на то, что «настоящая публикация будет стимулировать дальнейшие исследования предметного мира традиционных океанийских культур»¹. Эта заметка — один из результатов последующего изучения музейного этнографического наследия путешественника, которое было начато мною в период подготовки шестого тома и продолжено после его издания.

Дальнейшее осмысление документов к этнографическому собранию Н.Н. Миклухо-Маклая привело меня к пони-

манию подлинного назначения и характера ряда из них, что в свою очередь позволило приблизиться к доказательному решению одной из центральных проблем собрания — аутентичности его состава, т.е. рассмотреть вопрос о включении в собрание ряда предметов, ему не принадлежащих и переданных в Музей другими лицами, порой, не установленными.

Вынуждена напомнить ряд известных фактов и документов, связанных с коллекциями путешественника, хранящимися в МАЭ. Глубокой осенью 1886 г. Н.Н. Миклухо-Маклай лично передал часть собранного им этнографического материала в Имп. Академию Наук. Попредметный прием экспонатов вел ученый хранитель МАЭ Федор Карлович Руссов. Он осуществлял его по одному из трех экземпляров печатного Каталога² (далее — Каталог-1), составленного самим путешественником. В нем Ф.К. Руссов отмечал как принятые, так и отсутствующие вещи, что и определяет первенство экземпляра.

Через 12 лет, в 1898 г., Е.Л. Петри составила Инвентарный список коллекции № 168, в которую, как считается, и вошли предметы, поступившие по Каталогу-1. На отдельные листы (15–19) Инвентарного списка № 168 Елена Львовна наклеила текстовые этикетки Н.Н. Миклухо-Маклая, снятые с предметов, а также некие бумажные квадраты и прямоугольники с числами, написанными от руки.

Издавая в 1999 г. Каталог коллекций Н.Н. Миклухо-Маклая, и авторы, и соредакторы обошли эти последние молчанием, так как их назначение оставалось для нас неясным. Позднее, работая с документами коллекции из третьего путешествия Дж. Кука, я пришла к пониманию того, чем являются квадраты и прямоугольники с числами, наклеенные в Инвентарном списке № 168. Как и в Куковской коллекции, это были номерные этикетки. Но в отличие от первых, отпечатанных в типографии, эти были самодельными, с числами, нанесенными от руки.

Номерные этикетки к Маклаевской коллекции, поступившей в 1886 г., как правило, написаны синим карандашом, но иногда и чернилами. Подавляющее большинство имеет точку после числа — «198.». Бумага плотная желтоватая или линованная, похожая на тетрадную, нарезана на

квадраты и прямоугольники (сред. разм. $2,5 \times 2,5$ см и $3,5 \times 4,5$ см). Авторство большинства из них принадлежит Ф.К. Руссову, что установлено по способу написания ряда цифр, прежде всего семерок, восьмерок и девяток. Эти номерные этикетки он наклеивал, вкладывал, реже подвешивал к соответствующим экспонатам.

Другими словами, принимая в 1886 г. коллекцию, Ф.К. Руссов параллельно отметке в Каталоге-1, снабжал каждую вещь индивидуальным временным номером, соответствовавшим её порядковому номеру в Каталоге 1886 г.

Очевидно в 1898 г. при расклейке ряд номерных этикеток не удалось отделить от предметов. Так, на бамбуковой трубе *ай-кабрай* из Бонгу до конца XX в. сохранилась руссовская номерная этикетка с числом «60.», на одной из каменных «денег» *фе* с острова Яп — с числом «188.», обрывок этикетки с числом «78.» имеет рукоять тесла с юго-восточного берега Новой Гвинеи³. Перечисленные вещи фигурируют под такими же п/№№ 60, 188, 78 в Каталоге 1886 г. Эти случаи доказывают правильность предложенной интерпретации бумажных квадратов и прямоугольников с числами как временных номерных этикеток.

Другая часть собрания Миклухо-Маклая поступила в МАЭ в 1892 г. из Имп. Русского Географического Общества (ИРГО). Её сопровождала крайне скудная документация — всего несколько страниц рукописного списка текстовых этикеток Маклая, озаглавленного «Часть Этнографической коллекции Н.Н. Миклухи-Маклая (находящаяся в Географическом Обществе)» (далее — Список ИРГО).

Этот важный документ хранится в Инвентарном списке № 402. В верху первого листа справа — помета чернилами рукою Ф.К. Руссова: «получ. — 1892 г.». Ниже рукою Е.Л. Петри: «К Колл. № 402.», а еще ниже, под заглавием: «[Перечень по сохранившимся этикеткам. Предметы без этикеток в этот список не вошли. Е. Петри 1898 г.]» Все подчеркнуто Е.Л. Петри.

Итак, пометы документа содержат ряд важных фактов: 1) материалы Н.Н. Миклухо-Маклая из ИРГО переданы в МАЭ 20 мая 1892 г. по Списку ИРГО, 2) тогда же приняты Ф.К. Руссовым, 3) в 1898 г. включены Е.Л. Петри в 402-ю

коллекцию, 4) наличие, согласно Е.Л. Петри, предметов, не внесенных в документ и не имевших этикеток.

Список ИРГО воспроизводит текстовые этикетки Маклая (часто не точно). Они пронумерованы в документе от единицы до семидесяти, но среди них отсутствуют девять номеров — №№ 15, 31, 33–37, 40, 55. Подчеркну, что сами оригиналы этих номеров не имеют. Документ заключает небольшой текст, озаглавленный «Поправки и дополнения по подлинникам этикеток. Ф. Руссов», содержащий перечень пяти предметов под п/№№ 36, 40, 71, 37, 16.

Между строк Списка ИРГО рукою Руссова внесены отсутствовавшие в документе п/№№ 15, 31, 37, 40, 55.

Кроме Списка ИРГО, существуют еще оригиналы самих текстовых этикеток Н.Н. Миклухо-Маклая, а также этикетки, которые я условно называю дубликатами. Это прямоугольные или квадратные куски пожелтевшей бумаги (разм. $6 \times 4,5$ см / $4,5 \times 4,5$ см / $4,5 \times 3,5$ см), многие со следами проколов от крепления к вещам. И на оригиналах, и на дубликатах механической печаткой оттиснуты пятизначные числа от 00001 до 000071 (с некоторыми пропусками), начинающиеся с нулей. Внизу многих дубликатов рукою Ф.К. Руссова указано происхождение вещи «Rapanui», «Ю. Ам.», «О. Адм.», «О. Жильберт», «О. Ротума», но большинство имеет только оттиск пятизначного числа. И дубликаты, и оригиналы наклеены в Инвентарный список коллекции № 402.

К нескольким небольшим этикеткам самого путешественника, полностью заполненным текстом, имеются пометы Е.Л. Петри, сделанные при расклейке. Например, рядом с одной из этикеток Маклая: «На обороте: № Г.[географического] Общ. 00029». Существенно отметить, что значимые числа оттисков печати на оригиналах и на дубликатах совпадают с порядковыми номерами Списка ИРГО. Так, № 29 в нем соответствует оттиск «00029» на дубликате и на оригинале. Именно таким образом были соединены текстовые этикетки Н.Н. Миклухо-Маклая, их дубликаты и Список ИРГО.

Вопрос о месте создания номерных дубликатов (ИРГО / МАЭ) достаточно важен. Как явствует из помет на листах расклейки, Е.Л. Петри сочла дубликаты с пятизначными

числами за этикетки ИРГО. Все занимавшиеся коллекцией в 1990-е годы, включая меня, приняли пометы Е.Л. Петри на веру и разделили её точку зрения. Однако, как оказалось, мы были неправы.

Наличие дубликатов с числами «00015», «00031», «00033», «00034», «00040», «00055» к порядковым №№ 15, 31, 33, 34, 40, 55, отсутствующим в Списке ИРГО и внесенным в него Ф.К. Руссовым, доказывает, что дубликаты с пятизначными числами были созданы не в ИРГО, а именно в МАЭ и именно Ф.К. Руссовым.

Какой же смысл имели эти пятизначные числа и нанесение их на оригиналы и дубликаты? Очевидно, принимая в 1892 г. из ИРГО фактически не документированную коллекцию Маклая с некоторым количеством оригинальных этикеток и неполным списком их копий, Ф.К. Руссов должен был соотнести каждый принятый предмет с этим документом, начинавшимся с первого номера, т.е. снабдить каждую вещь временным номером, начиная с единицы. Но числа с 1 по 198 (с некоторыми пропусками) уже были использованы им в коллекции, принятой в 1886 г. По-видимому, во избежание смешения разных частей коллекции Ф.К. Руссов отказался от рукописных временных номеров и воспользовался механической пятизначной печаткой (штемпелем), предварив каждое значимое число нулями.

Таким образом, дубликаты с пятизначными числами являются ничем иным, как временными номерными этикетками МАЭ к принятым в 1892 г. предметам. Каждая вещь получала номер, соответствовавший ее порядковому номеру в документе. Совершенно очевидно этот профессиональный прием существовал в Музее со времен Кунсткамеры. Различались лишь формы этих временных номеров.

Зачем же при наличии оригинальных этикеток Н.Н. Миклухо-Маклая нужны были дубликаты? Думаю, они были сделаны для сохранности самих оригиналов, которые уже имели заломы, разрывы и другие повреждения.

При регистрации 1898 г. руссовские дубликата были сняты с предметов и расклеены в Инвентарном списке № 402 рядом с маклаевскими оригиналами. На те и другие, а также на экспонаты поставлены коллекционные номера МАЭ.

Все эти наблюдения и рассуждения существенны в двух отношениях. Первое касается места создания дубликатов и

того, что и они, и подлинные этикетки проштемпелеваны в МАЭ Ф.К. Руссовым. И второе, как следствие первого, — это возможность вычленив из огромного материала, вошедшего в 402-ю коллекцию и приписываемого сборам Н.Н. Миклухо-Маклая, аутентичную часть.

Одновременно из этого следует, что первый ученый хранитель МАЭ понимал значимость подлинного состава коллекции, полученной от самого собирателя по его Каталогу 1886 г., иначе говоря, значимость ее аутентичности.

Итак, можно считать твердо установленным фактом, что расклеенные в Инвентарных списках № 168 и 402 бумажные квадраты и прямоугольники с числами (в первом случае рукописными, во втором — проштемпелеванными печаткой) являются самодельными номерными этикетками, соответствующими порядковым номерам вещей в документах (Каталог 1886 г. и Список ИРГО). Штемпелевание текстовых этикеток Н.Н. Миклухо-Маклая и их дубликатов произошло в МАЭ и было произведено Ф.К. Руссовым, а не в ИРГО, как все, включая автора этих строк, полагали вслед за Е.Л. Петри.

Сказанное позволяет перейти к рассмотрению нескольких случаев чужеродных вкраплений в собрание Н.Н. Миклухо-Маклая из Океании. Речь пойдет об экспонатах с текстовыми этикетками, написанными не Маклаем и прямо свидетельствующими о принадлежности к коллекциям иных дарителей. Тем не менее важно рассмотреть их в свете временных номеров, данных предметам в момент приема.

Экспонаты из коллекции лейтенанта И.Ф. Бострема (№ 168-174, № 402-6).

В собрании Н.Н. Миклухо-Маклая находится гребень с колл. № 168-174, имеющий текстовую этикетку XIX в.: *«Гребень с головы дикаря жителя Адмиралтейских О^{вост} Тихаго Океана. Корвет Скобелев 1883 г.»* с пометой XIX в., но написанной другим почерком: *«От Лейтенанта И.Ф. Бострема»* и ниже колл. № МАЭ «168¹⁷⁴», поставленный в 1898 г. Атрибутирован Е.С. Соболевой как гребень с Берега Маклая⁴, что не вызывает возражений.

Другая вещь — скульптурная композиция с колл. № 402-6 и текстовой этикеткой: *«Идол — с NO берега Но-*

вой Гвинеи. Бухта Астролябия Порт «Великий Князь Константин». Снят из Хижины Туземной деревни, был подвешен с внутренней стороны Крыши. В 1883 году, Корвет «Скобелев». Сверху помета, аналогичная предыдущей: «От Лейтенанта И.Ф. Бострема» — и с боку внизу — колл. № МАЭ «402^б», поставленный в 1898 г.

Тексты обеих этикеток написаны одним почерком, пометы на них — другим, но одинаковым, все — по старым (дореволюционным) нормам орфографии. Идентифицировать ни один из почерков не удалось, но определенно ни тот, ни другой не принадлежат Н.Н. Миклухо-Маклаю.

Хотя пометы на этикетках однозначно указывают на лейтенанта И.Ф. Бострема как на собирателя и дарителя этих двух вещей, рассмотрим возможность их принадлежности к сборам Н.Н. Миклухо-Маклая. Действительно, последний почти два месяца находился на борту «Скобелева», присоединившись к плаванью в Батавии в конце февраля 1883 г. и покинув корвет 17 апреля 1883 г. в Маниле. С 15 по 22 марта судно находилось в заливе Астролябия на Новой Гвинее и далее имело «кратковременные заходы на о-ва Адмиралтейства, Хермит и Палау»⁵. Таким образом, в принципе Маклай имел возможность приобрести оба предмета.

Но ни гребень с п/№ 174, ни вообще п/№ 174 не фигурируют в печатном Каталоге 1886 г. Как известно, в нем отсутствуют 16 порядковых номеров (98, 108, 154–159, 164, 165, 169–174)⁶, в том числе и 174. Маклай компенсировал их предметами, внесенными Ф.К. Руссовым в Каталог-1 карандашом. Но в списке этих предметов нет гребня ни с Берега Маклая, ни с Адмиралтейских островов, как в Инвентарном списке № 168 нет номерной этикетки с числом «174.». Это означает, что среди вещей, переданных в 1886 г. Н.Н. Миклухо-Маклаем в МАЭ, такой гребень отсутствовал.

Приступая в 1898 г. к регистрации 168 коллекции, Е.Л. Петри составила свой список из 12 экспонатов, озаглавленный «№№ дополненные по сохранившимся на предметах этикеткам». В нем впервые появляется номер «174. Гребень с головы жителя Адмиралтейских о-в» (л. 21 об.). Можно думать, он находился в числе многих других предметов Музея ИРГО, поступивших в МАЭ. Однако в Списке ИРГО гребень под таким номером не числится, как не числятся ни

гребни с Адмиралтейских островов, ни «Идол — с NO берега Новой Гвинеи». Итак, документы свидетельствуют против наличия этих предметов в Маклаевском собрании.

С другой стороны, у лейтенанта И.Ф. Бострема, служившего на «Скобелеве», несомненно, была возможность приобрести обе эти вещи. В связи с этим напомним, что многие из его предшественников — офицеры-участники российских кругосветных плаваний первой четверти XIX в. — после окончания Морского кадетского корпуса в 1790-х годах служили волонтерами на Британском флоте, в котором со времен Джеймса Кука существовала традиция коллекционирования аборигенных изделий и предметов природы посещаемых островов. Эти традиции были усвоены волонтерами из России. Хорошо известно, что коллекции (этнографические, а порой и зоологические) собирали Ю.Ф. Лисянский, П.В. Повалишин, В.М. Головнин, О.Е. Коцебу, Ф.Ф. Беллингаузен, М.П. Лазарев, М.Н. Васильев и многие другие офицеры.

Эта традиция не угасла и позднее. По данным А.Я. Масова, «за период с 60-х гг. XIX в. и до начала XX в. [только] в Австралию было осуществлено 42 захода 16 русских парусно-паровых и паровых кораблей»⁷. Многие из них посещали затем острова, на которых работал Н.Н. Миклухо-Маклай (включая Новую Гвинею, острова Торресова пролива и Адмиралтейства, Новую Каледонию, Самоа, Таити), а их участники собирали коллекции.

Приведу другой факт, также почерпнутый из монографии А.Я. Масова. Он касается обращения «в октябре 1870 г. директора московского Публичного и Румянцевского музеев В.А. Дашкова к морскому министру Н.К. Краббе с просьбой поручить командирам корвета «Витязь» и клипера «Изумруд» обратить во время плавания по Тихому океану «надлежащее внимание <...> на этнографию посещаемых ими стран с целью собрать для этнографического отдела <...> музейные предметы домашнего быта туземцев»⁸.

И хотя Н.К. Краббе весьма прохладно отнесся к идее В.А. Дашкова, тем не менее 31 октября 1870 г. капитан II ранга П.Н. Назимов, командир «Витязя», и капитан-лейтенант М.Н. Кумани, командир «Изумруда», получили рекомендацию министра «отнестись сочувственно к просьбе

В.А. Дашкова, но осуществлять этнографические наблюдения не в ущерб основной задаче плавания»⁹.

Известно, что многие офицеры Тихоокеанской эскадры Русского флота собирали аборигенные предметы и передавали их затем в музей. Часть этих сборов в XX в. оказалась в Музее Д.Н. Анучина в МГУ, где и в настоящее время хранятся коллекции современников Н.Н. Миклухо-Макаля — лейтенанта корвета «Боярин» А.А. Бирилева, лейтенанта В. Мессерера с клипера «Изумруд», судового врача корвета «Рында» П.А. Бурцева¹⁰.

Мог ли Иван Федорович Бострем, служивший на «Скобелеве», собирать туземные вещи? В принципе мог, как это делал и командир его судна капитан-лейтенант Вадим Васильевич Благодарев¹¹. В 1883 г. от него и Е.К. Крафта в МАЭ поступили пять предметов, получившие позднее колл. № 144. На титуле Инвентарного списка № 144 в графе «от кого» указано: «от командира корвета «Скобелев» капитан-лейтенанта Благодарева и офицера того же судна Евгения Карловича Крафта». Нельзя исключить, что гребень и скульптура от И.Ф. Бострема поступили в МАЭ в 1883 г. одновременно с пятью предметами от В.В. Благодарева и Е.К. Крафта.

Но приходится учитывать и тот факт, что одним из основателей и руководителей ИРГО был прославленный адмирал Федор Петрович Литке, участник кругосветного плавания (1817–1819) В.М. Головнина на «Камчатке» и сам командир такой же экспедиции (1826–1829) на шлюпе «Сенявин», исследователь Новой Земли, Баренцева и Белого морей, наконец, вице-президент Академии наук. Огромный авторитет Ф.П. Литке, уважение к нему в военно-морской среде играли далеко не последнюю роль в пополнении Музея Географического Общества коллекциями, собранными офицерами флота. Среди них мог быть и будущий вице-адмирал И.Ф. Бострем. Как бы то ни было, его коллекцию еще предстоит выявить будущим исследователем.

Наличие в МАЭ экспонатов, откуда бы они ни поступили, с этикетками, прямо указывающими имя И.Ф. Бострема в качестве собирателя и дарителя — прямое свидетельство тому, что внесение их в собрание Н.Н. Миклухо-Маклая произошло явно по недоразумению.

Экспонаты из коллекции доктора Шнейдера (№ 402-342, № 402-343/3).

В коллекцию Н.Н. Миклухо-Маклая включены штаны воинского костюма с островов Гилберта под колл. № 402-342. Они имеют текстовую этикетку, почерк которой не идентифицирован: «161. От Доктора Шнейдера. (Из Южных морей)» и колл. № МАЭ 1898 г. «402³⁴²».

Кроме того, под колл. № 402-343/3 зарегистрированы три отдельные детали масок маланган из Новой Ирландии. Текстовая этикетка, написанная тем же неидентифицированным почерком, гласит: «166. От Доктора Шнейдера. (Из Южных морей)» и колл. № МАЭ 1898 года «402 — ». На каждый их трех предметов нанесено число «166», соответствующее числу на этикетке.

Включая три последних вещи в Маклаевскую коллекцию № 402, Е.Л. Петри внесла во 2-й экземпляр Каталога 1886 г. запись: «Примеч.: (Еще другие три экземпляра помечен. № 166 при этикетке с надписью: “166. От Доктора Шнейдера (из Южных Морей)”. Февр. 1898 г. Ев. Петри»¹².

Примечание Е.Л. Петри сделано к записи Ф.К. Руссова там же: «К № 102, второй экземпляр поступил из И. Р. Геогр. Общ. 1892». Что же значит под № 102 в Каталоге 1886 г.? Оказывается, «пара деревянных украшений для танцев» с островов архипелага Луизиады. Безусловно, нельзя признать обоснованным присоединение к вещам Маклая из Луизиады предметов из Новой Ирландии с этикеткой «От Доктора Шнейдера».

Возможно, Е.Л. Петри сочла их подарком доктора Шнейдера Н.Н. Миклухо-Маклаю. К сожалению, факт дарения не подтвержден документами. Почерк этикеток не маклаевский и не руссовский, номера, указанные на них (161, 166), находятся в противоречии с данными Каталога 1886 г. В нем фигурируют под п/№ 161 «Парик из волос, носимый при танцах» с островов Самоа, а под п/№ 166 «Циновка из листьев пандануса» с островов Луизиады. Соответствующие номерные этикетки «161.» и «166.» вклеены в Инвентарный список № 168.

Что касается поступления 1892 г., то в Списке ИРГО вообще нет № 161 и 166, а среди руссовских дубликатов к Маклаевской коллекции оттуда нет номерных этикеток с

№ 00161 или 00166. По-видимому, предметы от доктора Шнейдера (№ 161 и 166) относятся к какому-то неизвестному документу и к другой коллекции.

Этикетки прямо указывают на доктора Шнейдера. Об его личности можно только гадать. С Академией наук было связано несколько лиц с такой фамилией¹³. Был ли знаком с ними путешественник, не известно, как не известно, от какого именно Шнейдера поступили эти вещи. Но внести их в коллекцию Маклая можно было лишь от отчаяния.

Две таблички с письменами острова Пасхи (№ 402-13/2).

В собрание Н.Н. Миклухо-Маклая включены два предмета острова Пасхи с письменами кохау ронгоронго, известные в науке как Большая и Малая ленинградские таблички (совр. шифр 402-13/2 на каждой). Обе многократно опубликованы¹⁴.

Однако, обратившись к полевым записям Н.Н. Миклухо-Маклая в КЗК—1871, № 3, читаем: «*Таитянский епископ показал мне 5 [деревянных табличек с Рапануи. — Л.И.], из кот. одну подар. мне*»¹⁵. Эти данные не противоречат и словам Тепано Жоссена, епископа Д'Асиери: «Я просил Русселя собрать мне все, что возможно из этих табличек. Руссель прислал мне пять. Я дал одну из них русскому военному кораблю “Витязь”». Очевидно, что количество табличек, виденных Н.Н. Миклухо-Маклаем, совпадает с количеством, указанным Т. Жоссеном, как и факт дарения одной из них. Сегодня остальные четыре таблички Т. Жоссена хранятся в Риме в Музее Миссии Пикпюс. Они имеют имена собственные, а в «*Corpus Inscriptiorum Paschalis Insulae*» Т. Бартеля обозначены как экземпляры А, В, С, Е¹⁶.

Вероятно, полученную табличку путешественник отправил в Россию еще в 1871 г. с корветом «Витязь». Думать так позволяет обнаруженная Д.Д. Тумаркиным «расписка» сотрудника ИРГО А. Ломоносова: «Обрубок с письменами ос. Пасхи и два деревянных щита от г. Миклухо-Маклая получил на хранение в Этнографический музей [ИРГО]. Помощник секретаря А. Ломоносов. 22 Мая 1874 г.»¹⁷

Сохранилась и подлинная текстовая этикетка Н.Н. Миклухо-Маклая к предмету: «*Kohau rongo rongo. Туземное название этих досок на ос. Рапануи, означающее прибли-*

зительно «говорящее дерево» или «понятное [дерево].» — Экземпляр этот подарен мне [еписко]пом Дасиери на ос. Таити. Rareiti 12/24 Июля. 1871. М.-Маклай». Под п/№ 57 она была повторена в Списке ИРГО 1892 г. При поступлении Ф.К. Руссов проштемпелевал оригинал этикетки числом «00057», значимая часть которого совпадает с п/№ в Списке ИРГО. Он же сделал дубликат с № «00057» и словом «Рапануй».

Примечательно, что во всех этих документах речь идет об единственном предмете: «одну подарил мне», «обрубок с письменами», «экземпляр этот». В записи Ф.К. Руссова во 2-м экземпляре Каталога 1886 г. фигурирует только один предмет: «1892 г. Рапануи », «57 (доска с надписью “Kohau gongo gongo (говорящее дерево.)”»¹⁸. Только один дубликат Ф.К. Руссов создает к предмету, полученному из ИРГО.

В 1898 г. Е.Л. Петри, регистрируя коллекцию из ИРГО, вносит в Каталог-2 к процитированной записи Ф.К. Руссова помету: «(две доски ? Е. Петри)»¹⁹. Очевидно, разбирая океанийские материалы МАЭ, в том числе и поступившие из ИРГО, Евгения Львовна обнаружила еще одну дощечку со знаками письма. Не имея оснований включать второй экземпляр в Маклаевскую коллекцию, она поставила рядом с пометой знак вопроса.

Однако вторую табличку с острова Пасхи необходимо было внести в какую-то коллекцию. Возможности заниматься поисками документов об её истинной принадлежности у Е.Л. Петри — внештатного сотрудника Музея, загруженного спешной регистрацией, — не было. Как не было еще и практики создания сборных коллекций из вещей, утративших связь с именем дарителя / собирателя / продавца.

Первую сборную коллекцию таких вещей из Океании (№ 2328) составит в 1914 г. Бернгард Эдуардович Петри — сын Евгении Львовны. Единственным способом выразить сомнение оставался для нее знак вопроса. Думаю, как и в других случаях, он стоял в шифре на предмете, но написанный ею рукой коллекционный номер не сохранился. Ответственно утверждаю, что ныне существующий появился после 1995 г.

В официальный документ, каким являлся Инвентарный список № 402, она внесла: «402–13.2. Два куска дерева с

врезанными знаками, с острова Рапануи. Туземное название этих досок “*Kohau rongo rongo*”, что означает “говорящее дерево” или “понятное дерево” (1871 г.)²⁰. А на этикетке Маклая и на руссовском дубликате был поставлен шифр «№ 402 —». Так, удвоилось количество табличек с острова Пасхи в Маклаевской коллекции.

Сегодня благодаря «расписке» А. Ломоносова можно определить, какая именно из двух хранящихся в МАЭ была подарена Маклаю и принадлежит к его коллекции. Это та, что напоминает «обрубок», названная позднее «Малая ленинградская табличка», другая определяется как «ножевидная», или «Большая ленинградская табличка» с тем же шифром.

Не знаю, к чьему собранию относится второй экземпляр, но продолжаю думать, что не к Маклаевскому. Сегодня, в начале XXI в., когда архив путешественника в значительной мере разобран и изучен, настаивать на принадлежности обеих табличек с острова Пасхи к его коллекции равносильно косвенному обвинению «нашей национальной гордости», чьим именем назван целый институт, в краже второй таблички. Известно, что страстный коллекционер способен на все, но едва ли он мог им стать с марта 1871 г., когда на берегу бухты Св. Николая в Магеллановом проливе подобрал корзинку, положившую начало его коллекции, до июля того же года, когда на Таити беседовал с епископа Д'Асиери. Кроме того, все-таки дворянин, все-таки «фон». Надо полагать, в XIX в. это к чему-то обязывало.

Итак, из восьми экспонатов коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая, чьи документы здесь рассмотрены, шесть имеют прямые свидетельства их принадлежности к коллекциям других собирателей.

Предвидимый контраргумент о возможном дарении ему этих предметов лейтенантом И.Ф. Бостремом и доктором Шнейдером не может быть принят из-за отсутствия таких свидетельств, а также и потому, что путешественник имел обыкновение указывать в своих этикетках имена дарителей. Например: «*Подарок Г^{на} Ректора Университета в Santiago de Chile Г^{на} Домейко*», «*<...> украшение Арауканских ♀♀ [женщин], подаренное мне Г [осподином]*»

Х. Аларком 1871 г.», «<...> даны мне Г. Интендантом г. Valparaiso Sⁿ Don .. Francisco Echa'arren», « <...> подар. мне Гⁿ. Kan. Raymundo Pradel в Valparaiso.», «Arch. Gilbert. Gesch. von H Stewart in Tahiti».

Как здесь показано, проблема включения в Маклаевское собрание экспонатов из коллекций других лиц реально существует. Решение ее заключается в выявлении полевых записей и рисунков ученого, его текстовых этикеток, критическом рассмотрении документов о поступлении в Музей и оснований внесения в Инвентарные списки Маклаевских коллекций. Дальнейшая работа в этом направлении позволит освободить их не только от семи экспонатов, чьи документы (или их отсутствие) здесь рассмотрены, но и выявить другие инородные вкрапления.

1. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: В 6 т., М., 1999. С. 21 Т. 6. Ч. 1 (далее — НСС, 6-1).

2. Каталог-1 — [Миклухо-Маклай Н.Н.]. Каталог предметов этнологической коллекции с ос-в Тихаго Океана Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 1886. Архивный экземпляр МАЭ с шифром: Ф. К-V. Оп. 1. № 321.

3. Ай-кабрай имеет колл. № 168-60, по Каталогу 1999 г. (в НСС, 6-1) п/№ 14; каменная «деньга» фе — колл. № 168-188/5, по Каталогу 1999 г. одна из п/№ 601-605 ; тесло — колл. № 168-78, по Каталогу 1999 г. п/№ 246.

4. Соболева Е.С. Гребень, п/№ 42, илл. 42 // НСС, 6-1. С. 33, 185.

5. Тумаркин Д.Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. (Биографический очерк) // НСС, 6-1. С. 632–633.

6. Соболева Е.С. Вступительная статья к Каталогу этнографических коллекций // НСС, 6-1. С. 9.

7. Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX в. СПб., 1998. С. 49.

8. Там же. С. 76–77.

9. Там же. С. 77.

10. Говор Е.В., Новикова Н.И. Этнографические коллекции из Австралии и Океании в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ // Вопросы антропологии. 1989. № 83. С. 104, 105, 111, 113.

11. Правильное имя В.В. Благодарева, а также имя, отчество и звание И.Ф. Бострема мне указал Александр Алексеевич Першин, за что его сердечно благодарю.

Вадимом Васильевичем называет Благодарева и Н.Н. Миклухо-Маклай в письме адмиралу Н.В. Копытову. См.: НСС, 5. Пись-

мо 347. С. 337. Опечатка вкралась в комментарии к этому письму, в которых он фигурирует как Владимир Васильевич // НСС, 5. Коммент. 12 к письму 347. С. 705.

12. Каталог-2. Л. 8 об. — [Миклухо-Маклай Н.Н.]. Указ. соч. Архивный экземпляр МАЭ с шифром: Ф. К-V. Оп. 1. № 319.

Пометы в него были внесены в 1892 г. Ф.К. Руссовым и в 1898 г. — Е.Л. Петри.

13. Так, поставщик Зоологического музея АН Густав Шнейдер из Базеля, владелец торговой конторы по сбору, консервации и продаже зоологических препаратов, состоял в переписке (1880–1893) с акад. А.А. Штраухом. В одном письме 1889 г. из Висбадена он упоминает о своем сыне, в тот момент собиравшем коллекции в Японии и Юго-Восточной Азии. Не исключено, что в коллекциях, купленных у Г. Шнейдера, могли оказаться этнографические предметы, переданные из ЗИН в МАЭ. Его письма и списки препаратов содержат 304 рукописных листа, которые могут представлять интерес для сотрудников не только ЗИН, но и МАЭ (ПФА РАН. Ф. 50. Оп. 2. № 292).

Визитная карточка Карла Васильевича Шнейдера, сенатора, вклеена в Личное дело Ф.К. Руссова. На ней его рукою написан адрес «Пантелеймоновская 12». Еще предстоит узнать, почему Руссова интересовал сенатор с фамилией, фигурирующей на двух этикетках к предметам. Не исключено, именно в этой связи (ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. № 504. Л. 36).

14. Список публикаций см.: Соболева Е.С. Указ. соч. С. 17. Примеч. 33.

15. КЗК-1871. № 3. Л. 8 — Карманная записная книжка 1871 г., № 3. Архив РГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72.

16. 1500 Jahre Kultur der Osterinsel. Schätze aus dem Land des Hotu Matua. Mainz am Rhein, 1989. S. 235.

17. Архив РГО. Ф. 1-1869. Оп. 1. Д. 19. Л. 56.

18. Каталог-2. Л. 14.

19. Там же.

20. Инвентарный список № 402. Л. 24 типографской пагинации.

В.Н. Кисляков

ОБ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ФОНДЕ МАЭ РАН И ЕЕ СОБИРАТЕЛЕ

В фондах МАЭ РАН хранится индонезийская коллекция № 2457 (Ява, Джокьякарта, 37 номеров, 238 предметов), поступившая в 1915 г. и содержащая образцы тканей на